

Михаил Венюков

Путешествие в Китай и Японию

Михаил Венюков

Путешествие в Китай и Японию

«Public Domain»

1896

Венюков М. И.

Путешествие в Китай и Японию / М. И. Венюков — «Public Domain», 1896

«Пароходы компании «Messageries Francaises», с их всегда многочисленным и этнографически-пестрым населением, были уже мне хорошо знакомы, а потому я несколько не удивился, что на нашем «Moeris'e» была самая разнообразная и, по несчастью, многолюдная толпа. Целые шесть дней пришлось чуть не задыхаться в каютах, прежде чем высадиться в Египте. Меня судьба поместила в одну каюту с целым обществом итальянских и французских гренеров, то есть купеческих приказчиков из Генуи, Милана, Лиона и Марселя, ехавших в Иокогаму покупать яички шелковичных червей...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Венюков

Путешествие в Китай и Японию

I

Пароходы компании «Messageries Francaises»¹, с их всегда многочисленным и этнографически-пестрым населением, были уже мне хорошо знакомы, а потому я нисколько не удивился, что на нашем «Moeris'e»² была самая разнообразная и, по несчастью, многолюдная толпа. Целые шесть дней пришлось чуть не задыхаться в каютах, прежде чем высадиться в Египте. Меня судьба поместила в одну каюту с целым обществом итальянских и французских гренадеров, то есть купеческих приказчиков из Генуи, Милана, Лиона и Марселя, ехавших в Иокогаму покупать яички шелковичных червей. Так как эти люди уже не раз бывали в Японии и знали ее не по одной Иокогаме, то я надеялся сначала многое узнать от них о современном состоянии этой страны, но ошибся: во всем, что не относилось до их специальности, они были классически невежественны. Грамотнее других оказался некто Шеврье, поверенный и даже член одного торгового дома в Лионе, и я избрал его в соседи по table d'hôte'y³, чем он, по-видимому, был очень доволен, ибо сначала считал меня (благодаря бархатной жакетке и ленточке в петлице) за какого-то дипломатического агента, едущего на Восток с тайными целями... В самом деле: зачем русский путешественник, без мундира, на французском пароходе, едущем в Иокогаму? Какую отрасль человеческой деятельности может представлять он, если не дипломатическую или шпионскую? У России нет нигде интересов культурных, в буржуазном смысле. Она только завоевывает или подготавливает завоевания. Ни в науку, ни в индустрию общечеловеческую она не вносила и не вносит ничего прогрессивного или хоть просто гуманного... Чтобы не быть оглашенным на пароходе за русского шпиона, я сказал моему лионскому негодянцу, что собственно еду на Сахалин, чтобы видеть, можно ли будет снабжать тамошним углем японские и китайские порты, а до того полагаю посетить самые эти порты. Так как сообщение было сделано по секрету, чтобы не узнал кто из английских или других торговцев углем, то оно скоро стало общеизвестным, и ему верили, чем я был очень доволен.

Александрия⁴ весной 1869 года еще жила полною жизнью большого приморского города и первой классной станции для путешественников и товаров, направляющихся из Азии и Африки в Европу или обратно. Пристани и склады были завалены тюками, бочками, ящиками, мешками и пр.; целый флот кораблей и особенно пароходов стоял в гавани и деятельно разгружался или грузился. На площади Мехмеда-Али, этом промышленном центре города, поутру до 8 часов и вечером после 4-х толпились кучи купцов и совершались большие сделки. Но уже в воздухе носилось предчувствие скорого упадка или по крайней мере ослабления этой бойкой торгово-транзитной деятельности. Открытие Суэцкого канала ожидалось осенью того же 1869 года, и многие александрийские купцы задумывались над своим будущим. Содержатели гостиниц были особенно мрачно настроены, так как с направлением по каналу всех проезжих англичан и других европейцев заведения их должны были опустеть. Содержатель «Hôtel d'Angleterre»⁵, издавна славившийся не только своею столовою под навесом зелени на берегу моря, но и отличными кушаньями и вином, в ней подаваемыми, на этот раз накормил завтра-

¹ «Messageries Francaises» – французская пароходная компания.

² «Moeris» – «Мерис», название парохода.

³ Table d'hôte (французск.) – общий стол.

⁴ Александрия – город и порт в Египте.

⁵ Hôtel d'Angleterre (французск.) – гостиница «Английская».

ком и обедом очень посредственными, прямо заявляя, что теперь дела его приближаются к ликвидации. Эта бесцеремонная откровенность не удивила меня: я уже привык к взглядам и теориям европейских коммерсантов на Востоке, идеал которых всегда один и тот же и всегда очень прост: в пять, а много в десять лет сколотить всеми правдами, а особенно неправдами, капитал и потом возвратиться на родину, куда-нибудь в Лондон, Марсель, Бремен, Женеву, для занятия «почетного положения» оптового барышника, фабриканта, обшчитывающего рабочих, директора компании, надувающего акционеров, или даже банкира, легально обворовывающего всех и вся. Голландия, Бельгия, Швейцария, отчасти Англия, Шотландия, Франция, прирейнская и приморская Германия, Милан, Генуя, Ливорно и пр. почти уже не имеют другой аристократии, как эта банда бывших *chevaliers d'industrie*⁶ откуда-нибудь из Леванта, из Индии, из Китая, из отдаленных европейских колоний. Разные Джардины, Матисоны, Форбесы, Кнопы, Гирши, Сасуны, Бравэ, сведенные Альфонсом Доде⁷ к одному типу «набоба», суть наиболее известные представители этого разряда аристократов, а недавнее (1881 год) дело о подделке в Женеве, по заказу александрийских и марсельских финансовых тузов, турецкой монеты на 13 000 000 франков дает верное понятие о путях, которыми эти аристократы создают свое «почетное» положение.

В мае жара в Египте так велика, что днем никто не показывается на улицу, и даже поезда железных дорог с европейскими путешественниками отправляются только вечером, чтобы совершать переезды в течение ночи. Так было и с нами, причем мы имели случай видеть патриархальные порядки на египетских линиях, эксплуатируемых, разумеется, европейцами. На станциях не было другого освещения, как железные конические жаровни, насаженные на палки и наполненные горящими угольями и щепками. Ни одна не имела буфета, и даже трудно было достать свежую воду. Но это было еще ничего: ведь и в европейской Турции железнодорожная обстановка немногим лучше. Но вот что уже совершенно оригинально. Обер-кондуктор нашего, курьерского, поезда, заметив как-то в степи огонек, двигавшийся из стороны в сторону, догадался, что это, должно быть, какой-нибудь пассажир, опоздавший на станцию, машет, чтобы привлечь на себя внимание. Немедленно поезд был остановлен среди дороги и в один из товарных вагонов принят феллах⁸, да не один, а с десятью-пятнадцатью баранами, которых он гнал в Каир. Остановка для приема этих случайных путешественников, разумеется, потребовала минут десять времени; и вот, чтобы наверстать его, поезд двинулся далее с такой быстротою, что у всех щемило сердце. Вагоны прыгали и раскачивались справа налево, как не бывает этого даже в Испании или у нас, на дорогах Варшавского, Полякова и Блюха⁹. Слететь с плохо положенных и крайне изъезженных рельсов было чрезвычайно легко, и мы провели *un quart d'heure de Rabelais*¹⁰ прежде, чем прибыли, кажется, в Булак. Разумеется, плату за провоз феллаха и баранов разделили между собой европейские кондуктор и машинист: они ведь тоже прибыли в Египет не даром, а с целью сколотить капитал.

Но вот утро, и мы в Суэце. Жара становится нестерпимой, и нездоровые испарения поднимаются с илистого морского дна, обнаженного по случаю отлива. В ожидании маленького парохода, который должен перевезти нас на большой, стоящий вдали на рейде, мы изнемогаем под навесом железнодорожной станции и соседней гостиницы, откуда часто приносят лимонад и другие прохладительные. Я вспоминаю, что Суэц – ворота в тропическое пекло, и ухожу в гостиницу надеть фланелевую рубашку, эту защиту от солнечных ударов и тропических лихорадок.

⁶ *Chevaliers d'industrie* (французск.) – мошенники.

⁷ Альфонс Доде (1840–1897) – французский писатель, в своем сатирическом романе «Набоб» вывел тип разбогатевшего выскочки.

⁸ Феллах – египетский крестьянин.

⁹ Дороги Варшавского, Полякова, Блюха – частновладельческие железные дороги в России.

¹⁰ *Un quart d'heure de Rabelais* (французск.) – «четверть часика Рабле», неприятное время.

– Что это вы делаете? – спрашивает меня неопытный, а потому удивленный Шеврье.

– Да вот гарантирую себя от перемен тропической погоды, так как не хочу ни быть убитым солнечными лучами, ни получить лихорадку вроде той, которую схватил в прошлом году на Панаме и которая держала меня недели три между жизнью и смертью.

– Так фланель есть средство против этих невзгод?

– Разумеется. Вы спросите ваших соотечественников-гренеров: они ведь, я думаю, тоже променяли полотняные рубашки на шерстяные, как люди, бывалые в жарких странах.

– Ах, боже мой! а у меня нет фланели!.. – И Шеврье, под зонтиком от палившего солнца, бросился в Суэц, откуда через час принес две вязаные шерстяные фуфайки, чуть ли уже не бывшие в употреблении, но обошедшиеся ему франков по тридцати каждая.

– Это вы что же разлеглись так неудобно? Ноги выше головы... – спросил он снова меня. – Или это тоже гигиеническая мера против жары? Ведь вам, должно быть, очень неловко на таком кресле.

– Напротив, кресло отличное, и я вам советую приобрести такое же: стоит всего три рупии. – (Кресло было из бамбука, с длинным сиденьем, или точнее – лежаньем, выгнутым посередине протяжения кверху, так что, раз улегшись в нем и привязав самое кресло хоть к борту парохода, можно было безопасно переносить качку, не рискуя быть выбитым из позиции и даже не ощущая позыва на рвоту.)

– Вот что значит опытность! Иду искать себе такое же сиденье.

Но в продаже такового не оказалось более, и Шеврье не раз потом сожалел об этом, пока не купил бамбукового же, но простого кресла, кажется, у одного миссионера, высадившегося в Цейлоне.

Этот миссионер был одним из курьезов нашего пароходного общества. Член базельского протестантского союза, он ехал в Индию проповедовать христианство тамильцам, язык которых изучил и для которых вез целый ящик печатных евангелий и других богословских книг. Как истинный протестантский моралист, он имел при себе и законную жену, а не бонну, как то делают католические монахи, попы и епископы. Эта жена в их брачном союзе, очевидно, составляла не половину, а по крайней мере две трети, если не целых три четверти. Вопреки апостолу Павлу, она держала мужа в полном повиновении себе. Еще на «Moeris'e» она сшила для него штаны из остатков легкой серенькой шерстяной ткани, которая главным образом была употреблена на широчайшую юбку для нее самой. Штаны были коротки, и бедный пастор подвергался громким насмешкам. Шеврье особенно потешался над ним, благо почтенный проповедник базельской морали и лютеранских догматов был его *vis-à-vis*¹¹ за обедом. Вот одна из его шуток, для объяснения пикантности которой нужно сказать, что пастор за столом обыкновенно помещался между своею женою и молоденькой французской монашенкой, ехавшей в Сайгон наставлять в нравственности аннамитских девочек, а на досуге, может быть, и французских морских офицеров. Шеврье читает обеденную карту и на ней видит *poularde au riz*¹².

– Что такое пулярка? – внезапно обращается он к богослову. – Господин пастор! Вы так хорошо знакомы с домашним хозяйством: объясните мне, пожалуйста, что это за птица? Вот я часто ем ее, но в учебнике зоологии, которую я проходил в колледже, ни разу мне не встречалось это название.

Оконфуженный пастор не знает как вывернуться из затруднения, тем более что жена с боку метает на него молниеносные взгляды.

– Это, это, как вам сказать?... Это, – заключает он после многословной диссертации, которую Шеврье слушает не моргнув глазом, – курица, которая не может иметь цыплят...

¹¹ *Vis-à-vis* (французск.) – напротив.

¹² *Poularde au riz* (французск.) – пулярка с рисом, пулярка – холощенная и откормленная курица.

– А, понимаю! Это, в своем роде, монахиня, – замечает Шеврье к общему смеху соседей и в том числе самой двадцатилетней католической «сестры», которая дотеле безмолвно сидела, опустив глаза вниз, наподобие Гольбейновой мадонны из Дрезденской галереи. Свирепая пасторша не могла пропустить мужу даром такого скандала: тотчас после обеда она заперла его в каюту и не выпускала до следующего утра.

Шеврье преследовал своими забавными выходками не одних протестантского пастора и католическую монахиню, но и вообще попов, которых на «Camboge'e»¹³, по обыкновению всех французских океанских пароходов, было немало. Один из этих попов, ехавший на остров Соединения¹⁴ (Reunion), усердно ухаживал за молоденькой вдовушкой, отправлявшейся с маленьким сыном туда же. Барыня хоть и скучала от этих приставаний, но, имея в виду, с одной стороны, спасение души в будущей жизни при посредстве молитв и отпущений кюре, а с другой – неизбежность дальнейшего плавания с ним в гораздо менее разнообразном обществе от Адена до самого своего острова, не прогоняла его от себя. Шеврье тотчас прикинулся влюбленным в нее; и как он был моложе, красивее и умнее попа, то возбудил в последнем злобу ревности, в самой же вдовушке – приветливое внимание. Раз он сидел около нее и городил такие *jolies petites blagues*¹⁵, что вдовица, несмотря на траур, хоть и сдержанно, но искренне хохотала. Это взбесило попа, и он тотчас же сел с другой стороны заблудшей овцы своего стада и начал какую-то скучную мораль. Тогда Шеврье отодвинулся от искусительницы и, облокотясь о стол, принял крайне унылый, задумчивый вид, почти как человек, у которого болят зубы или, по крайней мере, которому изменила жена.

– Что с вами, *monsieur*¹⁶ Шеврье? Вы так печальны: уж не заболели чем? – спросил я его, слабо догадываясь в чем дело. – Или, быть может, вспомнили что-нибудь грустное?

– Ах! – отвечал он, – как же мне не печалиться? Ведь я, с небольшим лишь в двадцать лет, – сирота.

Et ma mère est enterrée
Dans le jardin de monsieur le curé...¹⁷

Это двустишие он произнес речитативом с такою, свойственно лишь парижским гам-энам иронией, что все присутствовавшие, не исключая и вдовушки, покатались со смеху, а поп вскочил от бешенства и скрылся в каюту... Эти веселые шалости, не совсем, конечно, согласные со строгими правилами салонных приличий, дают мерку одушевленной вольности французского общества, в противоположность напускной, чопорной важности англичан. Какая разница тона на «Camboge'e» и на каком-нибудь пароходе «Peninsular and Oriental Company»¹⁸, где люди дуются и скучают целую неделю, чтобы в воскресенье под предводительством капитана в мундире читать библию и распевать, по молитвеннику, псалмы!

Но не потому ли эти святоши *ex officio*¹⁹, эти фарисеи религии *cant'a*²⁰ так грубо эгоистичны в жизни? Считая преступлением шутку на словах, не занимаются ли они на деле травлей новозеландцев собаками, отравлением китайцев опиумом и вымогательством, вооруженною рукою, контрибуций где только можно? Ведь им с совестью примиряться очень легко: для

¹³ «Camboge» – «Камбоджа», название парохода.

¹⁴ Острова Соединения, или Токелау – английская колония на Тихом океане.

¹⁵ *Jolies petites blagues* (французск.) – хорошенькие шуточки.

¹⁶ *Monsieur* (французск.) – господин.

¹⁷ *Et ma mère est enterrée dans le jardin de monsieur le curé...* – «Моя мать погребена в саду господина священника».

¹⁸ «Peninsular and Oriental Company» (английск.) – «Полуостровная и Восточная компания», английская пароходная компания.

¹⁹ *Ex officio* (латинск.) – по должности, по обязанности.

²⁰ *Cant* (английск.) – ханжество.

этого не нужно даже платить попу за исповедь, как у католиков и у нас. Взял «Prayer book»²¹, пропел псалом – и дело кончено.

И хваленая чистота их домашних нравов нынче уже не секрет. Не у них ли, в лондонских вертепах разврата, «высокопочтенные» члены аристократических клубов, чтобы привести свои изношенные особы в любовную ярость, секут обнаженных женщин до крови? Не у них ли женатый наследник престола с компанией содержит в особой холе кавендишских мальчиков-телеграфистов? Не их ли *mistrisses*, *misses* или даже *ladies*²² наполняют европейский «континент» для отыскания эротических походов, а то и возможности выжать, с помощью шантажа, весь сок (металлический) из какого-нибудь неопытного, но богатого маменькина сына, неосторожно с ними забывшегося?

Относительно лицемерной «гуманности» англичан, которою они так любят хвалиться, выставляя напоказ Вильберфорса, Говарда и др., но забывая Чатама и Клейва²³, я имел случай во время путешествия 1869 года узнать любопытный и малоизвестный факт. Мне говорили про объявление в местной аденской газете, сделанное одним капитаном из английской флотилии, крейсирующей у восточных берегов Африки, который, по случаю отъезда в Европу, продавал с аукциона свое место, заявляя, что оно приносит столько-то годового дохода. Дело в том, что для возбуждения охоты к крейсерству английское правительство уплачивает премии капитанам и экипажам тех судов, которые изловляют арабских негроторговцев во время перевозки ими морем «живого груза». Эти премии, по закону, пропорциональны: 1) числу освобожденных невольников и 2) величине пойманного судна, – но в действительности всегда больше легальных. Для достижения последнего результата капитаны крейсеров поступают так. Поймав негроторговца, они топят его корабль, показав в протоколе тонновую его вместимость гораздо больше действительной: это, следовательно, обман казны²⁴; но он далеко еще не определяет своими размерами действительных доходов крейсерских капитанов и их подчиненных. Весь вещевой и часто товарный груз утопленного ими корабля идет в их пользу и продается в Адене, Занзибаре или одном из портов Индостана²⁵. Но и это еще не все. «Гуманизм» англичан не позволяет им высаживать освобожденных невольников на африканском берегу, где-нибудь поблизости их родины, где будто бы они опять непременно попадут в рабство. Живой товар везется в Бомбей или Мадрас и там поступает на сахарные, кофейные или хлопчатобумажные плантации, хоть и под именем свободных людей, но в действительности как закрепощенная за очень низкую плату толпа рабов. За эту услугу плантаторам из англичан и шотландцев крейсерские капитаны получают от них также плату. Вот он и гуманизм!

Впрочем, что говорить о подвигах отдельных лиц и сословий, когда вся английская нация, с правительством во главе, не церемонится нарушать самые общепринятые правила нравственности, чести и даже положительного закона, если ей это выгодно. Вот мы проходим остров Перим, командуемый Баб-эль-Мандебским проливом. В 1856 году, на Парижском конгрессе²⁶, Англия особенно настаивала на нерушимой целостности Османской империи, а в 1861-

²¹ «Prayer Book» (английск.) – молитвенник.

²² *Mistrisses*, *misses*, *ladies* (английск.) – дамы, барышни, леди.

²³ Вильберфорс – английский общественный деятель, боровшийся за освобождение негров; Говард – известный английский демократ; Чатам (Питт) – один из наиболее воинственных руководителей английских колониальных захватов; Клейв – деятель английской Ост-Индской компании, прославившийся особым коварством.

²⁴ На эту плутню, известную властям, последние смотрят снисходительно, потому что истребление арабских судов уменьшает конкуренцию для английских.

²⁵ Аден – полуостров на юго-западе Аравии, центр английского влияния на Аравийском полуострове; Занзибар – острова у восточного берега Африки, позднее перешли под английский протекторат; Индостан – полуостров в Индийском океане, почти весь входил в Британскую Индию. Прикрываясь флагом борьбы с работорговлей, англичане обеспечивали рабами-неграми свои владения.

²⁶ На Парижском конгрессе 1856 года был подписан трактат, положивший конец Восточной (Крымской) войне 1853–1856 годов, между англо-франко-турецкой коалицией и Россией.

м, среди полного мира с Турцией и не спросясь никого из соподписчиков договора, взяла – да и завладела Перимом, то есть стратегически одною из важнейших местностей не только Турции, но и целого света. Теперь на острове сооружено сильное укрепление, и над ним развевается британский флаг; на стенах виднеются орудия большого калибра, могущие обстреливать обе части пролива – азиатскую и африканскую. Гарнизон в совершенно мирное время, впрочем, невелик: всего 200 человек; но он может быть при нужде усилен до 1 000 и даже более из Адена. Не держат англичане сильного гарнизона на Периме, во-первых, потому, что служба там убийственна для людей, ибо на острове нет ни малейшей тени, да и вообще растительности и даже воды для питья; во-вторых, потому, что все нужное для гарнизона – пищу, одежду, топливо, посуду, мебель и пр. должно привозить издалека, часто из самой Англии, ибо соседние Африка и Аравия не в состоянии доставлять почти ничего, потребного европейцам.

Забавно было видеть, как наполеоновская Франция тоже хотела командовать южным выходом из Красного моря и создала было там «станцию» для судов или даже порт, которого, впрочем, никто не посещал, не исключая и пароходов «Messageries Impèriales Francaises»²⁷. Только при Тьере, после разгрома 1871 года²⁸, эта глупая затея была оставлена, но и донныне (1881) французы нередко говорят о Шейх-Саиде как о своем колониальном владении.

Мы шли из Суэца до Адена пять с половиною суток – ужасных суток, ибо майские жары были невыносимы. Уже на другой день после нашего выхода из Суэцкого порта один пассажир, выглядывавший из-под тента парохода на вершины Синая, был убит солнечным ударом. Это произвело на всех тяжелое впечатление, которое нисколько не рассеялось с выходом из Суэцкого залива в открытое море. Напротив, истома от жары только усиливалась с движением парохода к югу. Мы не видели более берегов, но мы чувствовали соседство раскаленных африканских и аравийских пустынь. Около полудня воздух так нагревался, что пароходная тяга заметно ослабевала, и мы шли тише, несмотря на совершенно спокойное море. Тент поливали водой раза три в день, и все же солнце пропекало сквозь него, несмотря на то что он был двойной: это ведь было не осеннее, а майское солнце, которое уже из параллели Мекки являлось у нас в полдень почти в зените. Трудно понять, как древние, с их отсутствием паровых двигателей, могли плавать по Красному морю, где безветрие есть обыкновенное состояние атмосферы, по крайней мере в течение большей половины года. И не случайно, что потребность в Суэцком канале была признана не ранее, как по развитию пароходства: ведь если бы канал и был прорыт, например, в XVIII веке, то пользы от него было бы мало. Парусное судоходство по Красному морю оставалось бы чистым мученьем и, следовательно, не могло бы составить серьезного противника плаванию вокруг мыса Доброй Надежды.

С выходом из Адена в Индийский океан обстоятельства изменились к лучшему; термометр упал, и мы вздохнули свободнее. Но ненадолго. За Сокоторою, которую мы видели издали, неудобства жары и безветрия сменились неудобством сильной боковой и даже диагональной качки парохода от свежего муссона. Постепенно крепчая, она, наконец, на меридиане Мальдивских островов достиг такой силы, что волны ходили у нас через палубу и в одну пре-скверную ночь четырех пассажиров снесло ими за борт. Я тоже рисковал быть унесенным в море и той же самой волной; но отделался душем из соленой воды, которая забралась мне в рот, в нос и в уши, но не оторвала меня от палубы, потому что я крепко держался за каютную дверь... Когда-то человечество дойдет до устройства судов, в которых бы внутренность не следила за раскачиваниями наружного корпуса кораблей, чтобы избавить путешественников от мучений качки и риска летать в море с палубы, где приходится оставаться за невозможностью, при теперешних условиях, жить в духоте кают? Впрочем, попытка была уже сделана Бессеме-

²⁷ «Messageries Impèriales Francaises» (французск.) – «Французская имперская пароходная компания».

²⁸ Тьер – организатор кровавого подавления Парижской коммуны в 1871 году. Разгром 1871 года – поражение Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 годах, закончившееся уплатой Пруссии пятимиллиардной контрибуции и передачей Эльзас-Лотарингии.

ром; да только, после случайной неудачи, естественной при первом начинании, она не вызвала подражания... Еще бы! Ведь всем пароходным компаниям пришлось бы тогда или бросить свои теперешние суда, или переделать их, то есть лишиться года на два-три доходов, в пользу нововводителей. Это то же явление, что сию минуту совершается в мире газовых обществ, при их борьбе с электрическим освещением; но тут скорая победа света над тьмой вероятнее, потому что превосходство первого очевиднее для народных масс.

С особым удовольствием наше пароходное общество увидело Цейлон, обрисовавшийся сначала как густое облако на горизонте. Кажется, уж на что хуже порта Point-de Galle²⁹, с его вечною толчеею воды от проливов, отливов и ветра, а все были рады отдохнуть хоть немного от качки. Разумеется, все посещавшие городок в первый раз немедленно отправились осматривать окрестности, то есть пальмовые леса, рисовые поля, буддийский храм, бунгалу (ферму) какого-то шотландца, ботанический сад с чувствительными мимозами и пр. Были даже простодушные новички, которые занимались покупкою за два шиллинга, – если не за два соверена, – «золотых» перстней с большими «корундами и сапфирами», будто бы находимыми и обделываемыми на Цейлоне. Я предпочел осмотреть казармы солдат, замечательные по обилию и свежести в них воздуха, да укрепления города; а потом отправился пообедать в дорожную, но посредственную «Oriental-Hôtel»³⁰ и, наконец, уже поехал на прогулку за город, по береговой дороге на Коломбо. Как известно, эта местность пользуется славою одного из «уголков земного рая», и, в самом деле, море, пышная растительность и поразительная красота и статность молодых сингалцев (особенно происшедших от помеси с португальцами) способны напоминать об Эдеме. Только и тут не обходится без *misères humaines*³¹: на каждом пальмовом дереве путник, возмечтавший о рае, видит венкообразную связку сухих листьев, окружающую ствол на высоте нескольких аршин. Если ночью вор полезет на дерево за кокосами, то шелест обламываемого им сухого венка разбудит хозяев, которые обыкновенно живут неподалеку, в убогой хижине... В раю, вероятно, этого не было.

В Цейлоне мы распрощались с частью наших спутников, направлявшихся кто в Коломбо и Канди, кто в Пондишери, Мадрас и Калькутту³², а кто и в Австралию. На пароходе стало просторнее, и оттого плавание поперек Бенгальского залива и Малакским проливом было самым приятным. Молодежь только жалела об отъезде двух очень красивых дам, которые, хотя имели билеты второго класса, но всегда как-то умели уставлять свои кресла на палубе так, что их можно было считать за первоклассных. Обману содействовало и то, что все первоклассные денди усердно окружали эти два блестящие светила... конечно, из полусвета. Ехали они в Австралию, потому что там, на проселочном пути и между богатыми золотопромышленниками и овцеводами, услуги их ценятся выше, чем на большой дороге через Сингапур, Гонконг и пр., где живут главным образом знающие цену деньгам торговцы... Замечу, что этому цветку запрещено появляться в Батавии и вообще в нидерландских колониях Малайского архипелага. И это не потому, чтобы отеческое правительство короля-акционера и его пуританских советников боялось за нравственную гибель молодых голландских чиновников – приказчиков на Яве и Целебесе, а потому, что нужно спасти белую расу от упреков в безнравственности со стороны малайцев, имеющих на веки веков пребывать илотами амстердамских, гаагских и роттердамских спартанцев. Факт годится, пожалуй, и в историю того, что англичане называют *the christian civilisation*³³

²⁹ Point-de Galle – Пуант-де-Галль, порт в юго-западной части острова Цейлон.

³⁰ «Oriental-Hôtel» (французск.) – гостиница «Восток».

³¹ *Misères humaines* (французск.) – человеческие несчастья.

³² Коломбо – главный город Цейлона; Пондишери – главный город французских колоний в Индии; Мадрас и Калькутта – города в Индии.

³³ *The christian civilisation* (английск.) – христианская цивилизация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.